
Л. В. СОКОЛОВА

**Содержал ли авторский текст
«Сказания о Мамаевом побоище» вставки из «Задонщины»?**

(К вопросу о взаимоотношении памятников)

Л. А. Дмитриев, подробно рассмотрев вставки из «Задонщины» в «Сказание о Мамаевом побоище» на основе 107 списков последнего, разделил имеющиеся в «Сказании» параллельные места с «Задонщиной» на две группы: «1) чтения, имеющиеся во всех текстах “Сказания” в одинаковых в сюжетном развитии местах, в сходном текстологическом обрамлении (в одном и том же внутреннем текстологическом конвое); 2) чтения, имеющиеся не во всех текстах: либо только в нескольких редакциях, либо характерные только для какой-то одной редакции или варианта, либо, наконец, зафиксированные в отдельных списках».¹ При этом исследователь пишет: «Бесспорно, что общий для различных редакций и вариантов “Сказания” текст, совпадающий с “Задонщиной”, входил уже в первоначальный вид “Сказания”. Часть чтений второй группы также может восходить к первоначальному тексту памятника, часть же должна объясняться вторичным влиянием “Задонщины” на “Сказание”» (курсив мой. — Л. С.).² Л. А. Дмитриев сослался при этом на мнение других ученых по поводу присутствия вставок из «Задонщины» в авторском тексте «Сказания»: «Несмотря на различные точки зрения по вопросу о последовательности редакций “Сказания”, на характер их взаимоотношения между собой и их взаимоотношений с “Летописной повестью о Мамаевом побоище”, все исследователи считают, что автор “Сказания” делал вставки из “Задонщины”» (курсив мой. — Л. С.).³

¹ Дмитриев Л. А. Вставки из «Задонщины» в «Сказании о Мамаевом побоище» как показатели по истории текста этих произведений // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла : К вопросу о времени написания «Слова». М.; Л., 1966. С. 391.

² Там же. С. 392.

³ Там же. С. 391. В последнее время мнение о первичности «Задонщины» по отношению к «Сказанию» высказывали В. А. Кучкин, Р. Г. Скрынников, Б. М. Клосс. См.: Кучкин В. А. Победа на Куликовом поле // Вопросы истории. 1980. № 8. С. 15; Скрынников Р. Г. Куликовская битва : Проблемы изучения // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М., 1983. С. 67. Б. М. Клосс, публикуя в 1998 г. «Сказание» по варианту Ундольского, написал: «Созданное в начале XVI в. на основе “Задонщины” и других источников, “Сказание” впоследствии неоднократно редактировалось...» (Памятники Куликовского цикла. СПб., 1998. С. 134).

Однако исследователь, видимо, не был до конца уверен в *бесспорности* того, что вставки из «Задонщины», читающиеся во всех редакциях «Сказания», восходят к авторскому тексту, поскольку сделал оговорку, что для задач его статьи «вопрос о том, являются ли эти чтения первоначальными, авторскими или же чтениями протографа дошедших до нас редакций “Сказания”, принципиального значения не имеет».⁴ Между тем вопрос о том, когда были внесены вставки из «Задонщины» в «Сказание», имеет именно принципиальное значение для установления взаимоотношений этих памятников, последовательности их возникновения: если вставки из «Задонщины» были сделаны автором «Сказания», то «Задонщина» первична по отношению к «Сказанию». Если же вставки из «Задонщины» сделаны последующим редактором «Сказания», то они не могут служить показателем взаимоотношения двух памятников.

Из рассмотренных Л. А. Дмитриевым 11 вставок многие отсутствуют в Киприановской редакции. Исследователи установили, что Киприановская редакция не является первоначальным видом «Сказания». Следовательно, либо многие вставки из «Задонщины» отсутствовали в протографе Киприановской редакции, либо они осознавались составителем Киприановской редакции как чужеродные в тексте «Сказания» и были им опущены.⁵

Рассмотрим вслед за Л. А. Дмитриевым те вставки из «Задонщины», которые читаются в большинстве текстов «Сказания», с целью выяснить, насколько органичны они в тексте памятника и можно ли считать, что они были внесены его автором.

В цитируемых текстах «Сказания»⁶ предполагаемые мной позднейшие редакторские вставки заключены в квадратные скобки, а входящие в них

⁴ Дмитриев Л. А. Вставки из «Задонщины» в «Сказании о Мамаевом побоище». С. 392, примеч. 24. Задачу своего исследования Л. А. Дмитриев сформулировал так: «Сопоставление всех видов “Сказания” с дошедшими до нас текстами “Задонщины” даст возможность установить — каким текстом “Задонщины” пользовался автор “Сказания”, поможет решить вопрос об отношении сохранившихся списков “Задонщины” к этому раннему тексту “Задонщины”, из которого были сделаны заимствования в “Сказании”. Наконец, такое сопоставление “Сказания” и “Задонщины” покажет, какими текстами “Задонщины” располагали и поздние переписчики “Сказания”, вновь обращавшиеся к этому произведению и дополнявшие свой текст новыми вставками из него. А все это, в конечном счете, поможет разобраться в вопросе о первоначальном виде “Задонщины”» (Там же. С. 391).

⁵ Л. А. Дмитриев отметил, что в результате переработки в Киприановской редакции выпали вставки из «Задонщины». Однако здесь остались следы некоторых вставок. Так, описание «испытания примет» ночью перед боем с заимствованными образами из «Задонщины» имеется и в этой редакции. Частично сохранилось в Киприановской редакции и поэтическое описание выезда русского войска из Москвы, восходящее в «Сказании» к «Задонщине». По мнению Л. А. Дмитриева, восходят к заимствованиям из «Задонщины» и слова о пире у Микулы Васильевича, читающиеся в Киприановской редакции. См.: Там же.

⁶ Тексты «Сказания о Мамаевом побоище» цитируются по следующим изданиям: тексты Основной редакции (варианта О и Печатного варианта), Распространенной и Киприановской редакций цит. по изд.: Сказания и повести о Куликовской битве / Изд. подгот.: Л. А. Дмитриев, О. П. Лихачева. Л., 1982; тексты Летописной редакции и Забелинского списка Основной редакции цит. по изд.: Повести о Куликовской битве / Изд. подгот.: М. Н. Тихомиров, В. Ф. Ржига, Л. А. Дмитриев. М., 1959; текст вари-

заимствования из «Задонщины» выделены курсивом. Подчеркнуты индивидуальные дополнения списков.

Первая вставка — это фраза в обращении великого князя московского ко всем русским князьям, в котором он называет их «гнездом» Владимира Святославича Киевского.

Вариант О
Основной редакции

Слышавъ же князь великий от языка такову изложенную мысль и таково вѣстание безбожнаго царя, нача утѣшати о Бозѣ и укрѣпляше брата своего князя Владимира и вси князи русские и рече: [«Братие, князи русские, гнѣздо есмя князя Владимира Святославича Киевского, емуже открь Господь познати православную вѣру, якоже оному Еустафию Плакидѣ; иже просвѣти всю землю Русскую святым крещением, изведе нас от страстей еллинскихъ и] заповѣда нам ту же вѣру святую крѣпко дръжати и хранити и поборати по ней. Аще кто ея ради постражетъ, то въ ономъ вѣцѣ съ святыми прѣвомучившимися по вѣрѣ Христовѣ причтень будетъ. Азь же, братие, за вѣру Христову хошу пострадати даже и до смерти» (Сказания и повести о Куликовской битве. С. 30).

Вариант У
Основной редакции

И слышавъ князь великий неложную⁷ ту вѣсть, таково вѣстание безбожнаго, и нача утѣшати о Бозѣ и, укрѣпляя брата своего князя Владимира и всѣ князи русские, и глагола имъ: [«Братие, князи русские, гнѣздо есмя князя Володимера Киевскаго, и иже изведе нас от страсти еллинския, емуже Богъ открь познати православную веру,] онъ же заповѣда намъ ту же вѣру хранити и дръжати крѣпко и поборати по неи. Аще кто ея ради постражет, тои въ ономъ вѣцѣ у Бога съ святыми будетъ. Азь же, братие, за вѣру хошу пострадати даже и до смерти» (ПКЦ. С. 148).

Распространенная
редакция

Князь же великий, слышав неложно востание безбожнаго, и нача радоватися, ноипаче утешатися о Бозе и укрепляти брата своего, князя Владимира, и всех князей русских. И рече им: [«Братие, князи русстии, гнездо есмя князя Владимира Киевскаго, изведе от страсти еллинския, емуже Господь открь познати православную веру, якоже Плакиде стратилату,] он же заповеда ту же веру крепце держати и по работати (*так!*) по ней. Аще кто ея ради постражет зде, то во ономъ веце почиет во веки. Аз, братие, хошу за веру пострадати даже до смерти» (Сказания и повести о Куликовской битве. С. 81).

анта У (Ундольского) Основной редакции, текст Основной редакции по Ермолаевскому списку и текст в редакции Летописца князя И. Ф. Хворостинина цит. по изд.: Памятники Куликовского цикла. СПб., 1998 (далее — ПКЦ); тексты списков «Задонщины» цит. по изд.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла (М.; Л., 1966), с указанием в тексте в скобках условного названия списка и листов рукописи. В некоторых случаях при цитировании сделаны незначительные изменения в пунктуации.

⁷ Так в списке М (РГБ, собр. Музейное, № 3155) и в списке Б (ГИМ, собр. Барсова, № 1798); в списке У (РГБ, собр. Ундольского, № 578) — «неизложную».

Выделенная курсивом фраза «Сказания» заимствована из «Задонщины», где читается: *Братья и князи руския, гнездо есмя великого князя Владимира Киевскаго, ни в обиди есмя были...*» (И-1, л. 217), что в свою очередь отсылает к «Слову о полку Игореве», в котором слово «гнездо» используется в значении «род, потомки одного князя». Вопрос лишь в том, была ли эта цитата из «Задонщины» в первоначальном тексте «Сказания», как полагали Л. А. Дмитриев⁸ и Н. С. Демкова.⁹

Речь Дмитрия Ивановича, обращенная к князьям с целью укрепить их дух, и ответ ему князей, выражающих согласие пострадать за святую веру, судя по контексту, присутствовали в авторском тексте «Сказания». Однако фрагмент о Владимире-просветителе (заключен в квадратные скобки), включая фразу из «Задонщины», скорее всего, был внесен в текст позднее. На эту мысль наводит ответ князей Дмитрию Ивановичу. Приведу вначале три текста, в которых ответ князей на обращение к ним Дмитрия Ивановича читается сходно.

Вариант О Основной редакции	Печатный вариант Основной редакции	Распространенная редакция
Они же ему рѣша вси купно, аки единѣми усты: «Вѣистинну еси, государь, съврѣшилъ законъ Божий и исплннилъ еси евангельскую заповѣдь. <p>Рече бо Господь: “Аще кто постраждетъ имени моего ради, то въ будущий вѣкъ сторицею въсприиметъ животовъ вѣчный”. И мы, государь, днесь готови есмя умерети с тобою</p>	И рече ему князь Владимир Андреевичъ и вси руския князи: «Воистинну, господине, законную заповедь совершаеши и <u>добру себе здумал еси думу</u> , святому Евангелию последуеши. <p>Во святом бо Евангелии писано есть: “Аще кто постраждет за имя, но и умрет мене ради, аз покою его во оном веце”. Мы же, господине, готови умрети и главы своя сложити за</p>	И рече ему князь Владимир и вси князи русстии: «Воистинну, государь наш, законную заповедь совершаеши и святому Евангелию последуеши. <p>Якоже пишит Евангелие:¹⁰ “Аще кто за имя мое стражет в мире сем, упокою его в последний день”. Мы же, господине, готови днесь с тобою умрети и головы своя положить за</p>

⁸ Л. А. Дмитриев пишет: «Первый отрывок в “Сказании”, который можно считать заимствованным из “Задонщины” и *который имелся уже в первоначальном тексте “Сказания”*, — это фраза в обращении великого князя московского ко всем русским князьям о том, что все они “гнездо” Владимира Киевского» (Дмитриев Л. А. Вставки из «Задонщины» в «Сказании о Мамаевом побоище». С. 392) (курсив мой. — Л. С.).

⁹ Демкова Н. С. Заимствования из «Задонщины» в текстах Распространенной редакции «Сказания о Мамаевом побоище» // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. С. 444). Одним из свидетельств того, что фраза о «гнезде» князя Владимира присутствовала уже в авторском тексте «Сказания», Н. С. Демкова считает присутствие ее во всех редакциях этого памятника, включая Киприановскую, и во всех его списках (Там же. С. 445). Однако на самом деле в Киприановской редакции рассматриваемой фразы нет, здесь опущены рассуждения о заповеди хранить православную веру (см.: Сказания и повести о Куликовской битве. С. 55–56). Но даже в том случае, если бы все дошедшие списки содержали рассматриваемую фразу, это могло означать лишь то, что вставка внесена в общий протограф дошедших редакций и списков.

¹⁰ В другом списке Распространенной редакции (РНБ, собр. Погодина, № 1414) читается: «Якоже пишется в святем Евангелии».

и главы своя положыти за святую вѣру христианскую и за твою великую обиду» (Сказания и повести о Куликовской битве. С. 30).

святыя церкви и за православную веру Христову и за твою обиду великаго князя» (Сказания и повести о Куликовской битве. С. 108).

святую веру и за твою великую обиду!» (Сказания и повести о Куликовской битве. С. 81).

Первоначальный текст ответа князей точнее сохранился, как представляется, в списках варианта У («Воистинну, господине, нам *Господь*¹¹ заповѣда¹² законъ¹³ хранити, святому еуангелию послѣдовати. Рече бо Господь: “Аще кто постражетъ за имя мое,¹⁴ то азъ есмь съ нимъ”...»)¹⁵ и Забелинском списке Основной редакции («Воистинну, *государь* нам [за]поведа закон хранити и святому еуангелию последовати. И рече бо Господь: “Аще кто постражет за имя святое, то аз с ним”...»)¹⁶. Слово «государь» в Забелинском списке появилось, вероятно, ошибочно вместо «Господь». Первоначально ответ князей выглядел, по всей видимости, так: «Воистинну, *Господь* нам заповеда закон хранити и святому еуангелию последовати. Рече бо Господь: “Аще кто постражетъ имени моего ради, то азъ есмь съ нимъ”».

А если так, то и в речи Дмитрия первоначально говорилось о *Божьей* заповеди хранить святую веру (а не о заповеди Владимира, крестившего Русь). Вероятно, начало речи Дмитрия в авторском тексте «Сказания» было таким: «*Братие, Господь* заповѣда намъ *православную* вѣру хранити и дрѣжати крѣпко и поборати по неи...» И князья, отвечая ему, подтверждают его слова («Воистинну...») о посмертном воздаянии за исполнение Христовой заповеди цитатой из Евангелия. Ссылка же на Владимира Киевского с использованием выражения из «Задонщины» («*Братья и князи руския, гнездо есмя великаго князя Владимиры Киевскаго*») появилась под пером одного из редакторов первоначального текста, вставлявшего цитаты из «Задонщины».

Вторая вставка — фраза о стуке и громе в Москве от воинских доспехов:

«И приидоша к нему князи бѣлозерскыа <...> и иныя убо многие князи.

[*То уже,*¹⁷ *братие, стукъ стучитъ и аки гром гремитъ въ славнем градѣ Москвѣ, то идетъ силнаа рать великаго князя Дмитрея Ивановича, а гремятъ русские сынове*¹⁸ *своими злагеными доспѣхы.*]

¹¹ Слово «Господь», отсутствующее в списке У, читается в списках М и Б. О том, что оно читалось в авторском тексте, свидетельствует дальнейший текст, который продолжает и поясняет первую фразу из ответа князей и воевод: «Рече бо *Господь*...».

¹² Так в списках МБ и Л (Лондонском: Отдел рукописей Британского музея, V. T. 51), в списке У — «заповѣдь».

¹³ Так в списках МБ, в списке У — «закону».

¹⁴ Так в списке У, в списках МБ — «имени моего ради».

¹⁵ См.: ПКЦ. С. 148.

¹⁶ См.: Повести о Куликовской битве. С. 174.

¹⁷ В Печатном варианте Основной редакции вместо «то уже» читается так, как в «Задонщине»: «*Уже* бо стук стучит, аки гром гремит...» (см.: Сказания и повести о Куликовской битве. С. 108). Однако, судя по всему, это вторичное чтение, оно возникло при самостоятельном обращении к тексту «Задонщины» составителя Печатного варианта, вносившего дополнительные вставки из «Задонщины».

¹⁸ В Летописной редакции — «русския удалцы».

Князь же великий Дмитрей Иванович поимъ с собою брата своего, князя Владимира Андрѣевича, и вся князи русские, и поеде к Жывоначальной Троици на поклонъ къ отцу своему, преподобному старцу Сергию, благословения получитьи от святыа тоа обители» (Сказания и повести о Куликовской битве. С. 30–31).¹⁹

В «Задонщине» Дмитрий Ольгердович, обращаясь к брату, говорит о том, что в Москве идет сбор рати великого князя (уже «стучить сильная рать великого князя»), и призывает брата присоединиться к ней, выступить за обиду великого князя Дмитрия Ивановича.²⁰ В «Сказании» же эта фраза о стучащей рати великого князя Дмитрия Ивановича нелогична, потому что она следует после сообщения о том, что в Москву прибыли князья многих других княжеств (белозерского, кемского, каргопольского, андомских и ярославских) со своими воинами, но еще нет сообщения о выходе в поход рати московского великого князя, оно следует далее, после рассказа о поездке Дмитрия Ивановича и *всех других князей* в Троицкий монастырь. Главное же — вставка из «Задонщины» разрывает первоначальное повествование «Сказания»: сообщив о приезде к Дмитрию князей разных княжеств, автор далее пишет: «*князь же великий* Дмитрей Иванович поим с собою брата своего князя Владимира Андреевича и *вся князи русские* и поеде к Жывоначальной Троици». На вторичность вставки из «Задонщины» указывает и сохраненное обращение «братие», которое вряд ли бы сохранил автор «Сказания» в своем *повествовательном* тексте.

Третья вставка из «Задонщины» состоит в варианте О Основной редакции из трех фрагментов. Эта вставка читается в сцене выступления русских князей в поход:

«И възде (Дмитрий Иванович. — Л. С.) на избранный свой конь,²¹ и вси князи и воеводы всѣдоша на коня своа.

[Солнце ему на въстоцѣ ясно сияеть, путь ему повѣдаеть.]

[Уже бо тогда аки соколи урвашася от златых колодиць ис камня града Москвы и възлѣтѣша под синиа небеса и възгремѣша своими златыми колоколы, и хотять ударитися на многы стада лебедины и гусины; то, брате, не соколи вылетѣли ис камня града Москвы, то выехали русскыа удалци съ своимъ государемъ, с великимъ княземъ Дмитреем Ивановичем, а хотять наѣхати на великую силу татарскую.]

¹⁹ В Киприановской редакции вставки из «Задонщины» нет, к Сергию едет один Дмитрий, но затем Сергей благословляет «всех князей, и бояр, и воевод».

²⁰ Ср.: «Брате Ондрѣи, не пощадим живота своего за крестьяны и за обиду великого князя Дмитриа Ивановича. *Уже бо, брате, стук стугить, громъ гримит в каменѣ градѣ Москвѣ, стугить сильная рать великого князя, гремят удалцы рускыа зологеными доспехы, герлеными щиты*» (И-1, л. 217 об.).

²¹ В Печатном варианте Основной редакции, в Летописной и Распространенной редакциях сообщение о выезде князя в поход передается двойной формулой: «Князь же великий *вступи в златое свое стремя и всед на избранны свой конь*» (цит. по Распространенной редакции; см.: Сказания и повести о Куликовской битве. С. 84). Дружинная формула *вступи в златое свое стремя* была, вероятно, заимствована в общий протограф этих текстов «Сказания» из «Задонщины» (составитель Печатного варианта Основной редакции вносил дополнительные вставки из «Задонщины»). В списках Пространной редакции «Задонщины» используется формула «*воступив во златое свое стрѣмя* и *взем свой мечь в правую руку...*» (У, л. 179), в списке К-Б — «*ступи во свое златое стремя, всед на свой борзый конь, принимая копие в правую руку...*» (К-Б, л. 126 об.).

Князи же бѣлоозерьские особь своим плѣком выѣхали; урядно убо видѣти вѣйско их. Князь же великий отпусти брата своего, князя Владимира, на Брашеву дорогою, а бѣлозерьские князи — Болвановъскою дорогою, а самъ князь великий поиде на Котель дорогою.

[Напреди же ему солнце добръ сияеть, а по нем кроткый вѣтрець вѣеть.]

Того бо ради разлучися князь великий з братом своим, яко не вмѣститися имъ единою дорогою» (Сказания и повести о Куликовской битве. С. 33).

Первая фраза о солнце почти дословно заимствована в «Сказание» из «Задонщины», где читается: «Солнце ему на восток сияет и путь повѣда-ет...» (У, л. 179). Вторичность вставки о солнце в «Сказании» выдает то, что она не согласована с предыдущим предложением: в нем говорится о выезде великого князя и *всех князей и воевод*, в связи с чем вставка о солнце требовала множественного числа, а употреблено вслед за «Задонщиной» единственное число (автор Летописной редакции заметил несогласованность и заменил единственное число на множественное: «а солнце *им* со востока съет, а по *их* кроткий ветрецъ веет»²²). Вставленная фраза о солнце разрывает связный и логичный авторский текст «Сказания», повествовавший о том, кто какой дорогой выехал: «И възыде на избранный свой конь, и вси князи и воеводы всѣдоша на коня своа. <...> Князи же бѣлоозерьские особь своим плѣком выѣхали; урядно убо видѣти вѣйско их».

Далее в тексте «Сказания» следует еще одна фраза о солнце: «Напреди же ему солнце добръ сияеть, а по нем кроткый вѣтрець вѣеть». По мнению Н. С. Демковой, «первое упоминание о солнце соответствует <...> фразе “Задонщины”, а второе — принадлежит авторскому тексту “Сказания” и имеется во всех видах “Сказания”, хотя и очень напоминает “Задонщину”».²³ На этом основании исследовательница сделала вывод: «В связи с этим уместно предположить, что и в этом эпизоде имело место двоякое обращение к “Задонщине”: в собственно авторском тексте “Задонщина” использовалась как источник по истории Куликовской битвы и переделывалась в стиле “Сказания”, и кроме того цитаты из нее, отдельные выражения “украшали” текст “Сказания”, использовались как своеобразный словесный орнамент, но они в то же время вносили известную художественную дисгармонию в повествование».²⁴ Эти «украшающие» цитаты из «Задонщины» были включены в «Сказание», считает Н. С. Демкова, «безусловно, на очень раннем этапе жизни памятника, еще до того, как разошлись все его редакции».²⁵

Однако вряд ли можно доказать обращение к «Задонщине» *автора* «Сказания», который якобы своими словами передавал сказанное в «Задонщине». Скорее, вторая фраза о солнце внесена тем же *редактором* «Сказания», который внес первую фразу о солнце (почти точную цитату из «Задонщины»). В «Сказании» в этом фрагменте дважды говорится о выезде князя, и в обоих случаях вставлены фразы о солнце. Вторая фраза о солнце,

²² См.: Повести о Куликовской битве. С. 89.

²³ Демкова Н. С. Заимствования из «Задонщины» в текстах Распространенной редакции «Сказания о Мамаевом побоище». С. 447.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же. С. 448.

как и первая, разрывает авторское повествование: автор «Сказания», сообщив, что братья пошли разными дорогами, далее объяснял причину этого: «Того бо ради разлучися князь великий з братом своим, яко не вмѣститися имь единою дорогою».

Еще одно заимствование из «Задонщины» в этом эпизоде «Сказания» — сравнение выезда русского воинства из Москвы с летящими соколами (его нет в варианте У Основной редакции).²⁶

В «Задонщине» этому тексту соответствуют две фразы из разных фрагментов: «То уже соколи бѣлозѣрстии и ястреби хваруются от золотых колодиць ис камена града Москвы, возлѣтѣша под синее небеса, возгремѣша злаченными колоколы на быстром Дону» (У, л. 178 об.—179); «Уже бо тѣ соколы и кречаты за Дон борзо перелѣтѣли и ударилися о многие стада лѣбѣдины. То ти наехали руские князи на силу татарскую...» (У, л. 180 об.—181). Как видим, в первом случае уподобление соколам относится к белозерцам (эта фраза читается в «Задонщине» непосредственно перед сообщением о выступлении Дмитрия Ивановича в поход), а во втором случае — ко всему русскому воинству.

В Печатном варианте Основной редакции, в Летописной и Распространенной редакциях «Сказания» под соколами подразумеваются белозерцы, тогда как в варианте О Основной редакции метафора «выезжающие в поход воины — рвущиеся с колодиць соколы» соотносится со всем русским войском (см. приведенный выше текст варианта О), что, по мнению Л. А. Дмитриева, является уже позднейшим переосмыслением.²⁷

Однако есть основание полагать, что редактор, делавший вставки из «Задонщины», отнес фразу о соколах к великому князю и другим князьям. И только под пером дальнейших редакторов эта фраза о соколах связалась с белозерцами. Попробуем понять последовательность изменений.

Фраза «Задонщины» о соколах была использована одним из редакторов «Сказания», но с одним отличием: здесь в метафорическую фразу «Задонщины» внесена сравнительная частица «аки»: «Уже бо тогда аки соколи урвашася от золотых колодиць ис камена града Москвы...» После чего читалась, как и в авторском тексте «Сказания», фраза о выезде белозерцев.

На следующем этапе редактирования внесенная из «Задонщины» фраза о соколах подверглась сокращению. Этот этап редактирования авторского текста «Сказания» отразили: Ермолаевский список Основной редакции (см.: ПКЦ. С. 234), редакция Летописца князя И. Ф. Хворостинина (см.: Там же. С. 269—270), редакция Синописца (см.: Там же. С. 322), редакция 1681 г. Пантелеймона Кохановского (см.: Там же. С. 353—354).

²⁶ По словам Б. М. Клосса, текст «Сказания» в варианте Ундольского по сравнению с вариантами О и Печатным Основной редакции и Летописной редакцией (в Вологодско-Пермской летописи), «подвергся систематическому сокращению и переделке» (ПКЦ. С. 195). Поэтому, по его мнению, и отсутствие вставки о соколах тоже можно объяснить позднейшим сокращением ее в варианте У. Не исключено, однако, что вариант Ундольского сохранил более ранний текст «Сказания», в котором еще не было вставки о соколах-воинах.

²⁷ Дмитриев Л. А. Вставки из «Задонщины» в «Сказание о Мамаевом побоище». С. 398.

**Ермолаевский список
Основной редакции**

Княз же великий възйде на избранный свой конь, и вси князѣ и воеводы сѣдоша на конѣ.

[Солнце ему ясно на востоцѣ сияет, путь ему повѣдает.]

[Уже тогда, як соколы от златых колодиц, торвахуся из красного града Москвы.]

А князѣ бѣлзорстии особ своим полоком выехали. Урядно бо бѣ видѣти войско их.

Княз же великий отпусти брата своего на Брашево дорогою, а сам поиде, великий князь, под Котел.

[Спереди же ему солнце удоб грѣет, а по нем кроткий вѣтрец вѣет.]

Сего ради и разлучися з братом своим, яко не вмѣстится дорогами (ПКЦ, С. 234).

Совершенно очевидно, что и здесь фраза о соколах относится к войску великого князя и других князей.

На определенном этапе редактирования этого фрагмента произошло смещение: фраза о соколах стала относиться к белозерцам. В Распространенной редакции и Печатном варианте Основной редакции «Сказания» фраза о белозерцах не отделена четко от предшествующего сравнения воинов с соколами (нет противительного союза), в связи с чем эти фразы можно объединить в одно предложение (что и сделано при публикации этих текстов в цитируемом издании 1982 г.). Здесь фраза о соколах уже воспринимается как относящаяся к белозерцам. В Летописной же редакции фраза о соколах уже прямо поясняется: «а то рвахуся князи белозерския...»

**Редакция Летописца
И. Ф. Хворостинина**

А князь великийи Дмитриеи Иванович вступив в стремя свое золотое и сяде на добрыйи свои конь, и вси князи и бояря тако же на свои кони сѣдоша и поидоша из славново града Москвы.

[А в тѣ поры солнце на востоце сияет и путь кажет великому князю Дмитрею Ивановичю и всему воинству.]

[Уже бо тогда люди руския и богатыри, аки соколы от златых колодиц, рвахуся из камена града Москвы.]

И в те поры выѣхали из славново града Москвы великийи князи бѣлзерские с своими полками наперед великого князя Дмитрея Ивановича. Урядно бо их видѣти, а воиска под ними 60 000, а идут наперед великого князя

А князь великийи Дмитриеи Иванович отпустил брата своего князя Владимира Ондрѣевича на Большую дорогу, а с ним воиска отпустиша 300 000. А бѣлзерскихъ князеи послал великийи князь Дмитриеи Иванович Болвановскую дорогою, а воиска с ними поидоша 20 000. А сам великийи князь Дмитриеи Иванович поиде на Котел, а воиска с ним поидоша 900 000.

И сприди ему, великому князю Дмитрею Ивановичю, [солнце удубь грѣетъ, а по нем пашет кроткийи вѣтрец.]

Сего бо ради, як разлучися з братом своим со князем Владимиром Ондрѣевичем и с ыными князи: не вмѣсте дорогою пошли (ПКЦ, С. 269–270).

Распространенная редакция

Князь же великий [вступи в златое свое стремя и] всед на избранны своей конь.

[Солнце ему на востоце сияет ясно и путь ему поведает.]

[Уже бо тогда, аки соколы от златых колодец, слетахуся ис каменнаго града Москвы] и выехали князи белозерстии особь своим полком. Урядно их видети, яко достоин им избавити (так!) стадо лебединое.

Князь же великий Дмитрей Иванович отпусти брата своего князя Владимира Андреевича дорогою на Брашеву, рекше Деревенскою, а сам князь великий поиде на Котелеск.

[И спереди же его солнце удобь греет, и по нем ветрец кроткий веет.]

Сего бо ради разлучихся з братом своим, яко не вместитися дорогою единою (Сказания и повести о Куликовской битве. С. 84–85).

Печатный вариант Основной редакции

Великий же князь Дмитрий Иванович [вступи в златокованное свое стремя и] сяде на своего любимаго коня. Все же князи и воеводы на свои кони вседоша.

[Яко со восхода светит в путь ему, и ветрец тих и тепл по них веет.]

[Уже бо тогда, яко соколы от златых колодец рвахуся,]

выехали князи белозерския из каменнаго града Москвы своим полком. Урядно бо бяше полцы их видети, яко достоин им избивати стада лебедина, бе бо храбро воинство их. <...>²⁸

Великий же князь Дмитрий Иванович отпусти брата своего князя Владимира Андреевича на Брашево дорогою, а белозерския князи отпусти Болванскою дорогою, рекше Деревенскою, а сам поиде на Котел.

[Спереди ему солнце сияет и добре греет, и по нем кроткий ветрец веет.]

Не пошли бо того ради дорогою единою, яко не вместитися им (Сказания и повести о Куликовской битве. С. 111).

Летописная редакция

Князь же великий [въступи в златое свое стремя и] седе на любезный свой конь. И вси князи и бояре вседоша на свои кони, и воеводы поехаша.

А солнце им со востока сьязет, а по их кроткий ветрец веет.

[Уже бо тогда аки соколы рвахуся от златых колодиц, а то рвахуся]

князи белозерския ис камена града Москвы, выехали своим полком. Урядно бо бяше полцы их видети, яко достоин им избивати полки татарския, бе бо храбро их видети войско.

Князь же великий отпусти брата своего Брашевскою дорогою, а белозерския князи отпусти Болвановскою дорогою, а сам князь великий поиде на Котел дорогою.

[А спереди ему солнце сьязет и добре греет, а по нем кроткий ветрец веет.]

Но того ради не пошли одною дорогою, яко не мощно им вместитися (Повести о Куликовской битве. С. 89).

В Киприановской редакции первая фраза о солнце и фраза о соколах отсутствуют, вторая фраза о солнце сохранена. Весь фрагмент здесь короче: «И изыде из цerkви, и всед на конь, поиде к Коломне. Брата же своего кня-

²⁸ Далее в Печатном варианте следует фрагмент, построенный на образах «Задонщины», являющийся индивидуальной особенностью этого варианта Основной редакции «Сказания». См.: Сказания и повести о Куликовской битве. С. 111.

зя Володимера Андреевича отпусти на Брашеву дорогою, а белозерския князи Болвановскою дорогою с воиньствы их. А сам князь великы поиде на Котел дорогою со многими силами. *И бе ему среди солнце греаше, а зади по нем кроткий и тихий ветр веаше и дыхаше.* Разлучиша же ся того ради дорогами, яко не вместитися единою дорогою» (Сказания и повести о Куликовской битве. С. 57).

Поэтические пассажи «Задонщины», взятые из разных фрагментов, нарушили логику первоначального повествовательного текста «Сказания», последовательно сообщавшего о том, что князь Дмитрий с остальными князьями выехал из Москвы в Коломну, что отдельно выехали белозерские князья. Далее автор сообщал, какой дорогой пошел Владимир, какой белозерские князья, какой сам князь Дмитрий, и пояснял, что князь пошел разными дорогами с братом потому, что не уместиться им было на одной дороге. В этот связный логичный повествовательный текст редактором «Сказания» вставлены «украшающие» вставки из поэтической «Задонщины», разрывающие его мысль: две фразы о солнце, предвещавшем ясным сиянием добрый путь, и сравнение русских воинов, выезжающих из Москвы, с соколами, рвущимися с золотых колодиц.

Четвертая вставка из «Задонщины» в «Сказание» — слова в плаче жены Дмитрия Донского о горе Русской земли после битвы на Калке. Приведу плач великой княгини по варианту О Основной редакции:

«Господи Боже мой, вышний творецъ, призри на мое смирение, сподоби мя, Господи, еще видѣти моего государя, славнаго въ человецѣхъ великого князя Дмитриа Ивановича. Дай же ему, Господи, помощь от своа крѣпкыя руки побѣдити противныа ему поганыа половци.

[И не сътвори, Господи, якоже преже сего за мало лѣтъ велика брань была русским князем на Калках с погаными половци съ агаряны;²⁹ и нынѣ избави, Господи, от такиа бѣды и спаси ихъ и помилуй! Не дай же, Господи, погыбнути оставъшему христианству, да славится имя твое святое в Русьстѣй земли. *От тоа бо галадкыа (в др. списке Калкинѣския) бѣды и великого побоища татарскаго и нынѣ еще Русскаа земля уныла и не имать уже надежи ни на кого, токмо на тебя, всемилостиваго Бога, можеша бо живити и мертвити.]*

Аз **бо**, грѣшная, имѣю нынѣ двѣи отрасли, еще млада суще, князя Василя и князя Юриа: егда поразить их ясное солнце съ юга или вѣтръ повѣтетъ противу запада — обо-

²⁹ В этом месте в Печатном варианте Основной редакции и Летописной редакции читается заимствованная из «Задонщины» фраза о количестве лет, прошедших от Калкской битвы до Мамаева побоища. Ср. в Печатном варианте: «От Каланскаго побоища до Мамаевы рати 160 лет» (Сказания и повести о Куликовской битве. С. 111). В Распространенной редакции она тоже присутствует («От тое Калские рати до Мамаева побоища лет 160»), но читается ниже, после слов «да славится имя твое святое» (Там же. С. 85). В вариантах У и Забелинском Основной редакции вместо указания количества лет говорится о том, сколько человек было убито на Калке. Л. А. Дмитриев полагал, что в общем протографе редакций «Сказания» фраза о количестве лет, прошедших от Калкской битвы до Мамаева побоища, была. В вариантах О и Михайловского она была опущена, а в вариантах У и Забелинском заменена на сообщение о том, сколько христиан погибло в битве на Калке (ср. в варианте У: «...якоже за мало лѣтъ брань была на Калкѣ христианомъ съ агаряны, убилъ (в других списках — «убили») тогда православныхъ христианъ 400000» — ПКЦ. С. 157).

его не могут еще грѣпѣти. Азъ же тогда, грѣшнаа, что сътворию? Нъ възврати имъ, Господи, отца ихъ, великого князя, поздорову, ть и земля их спасется, а они въ вѣкы царствуютъ» (Сказания и повести о Куликовской битве. С. 33).

Выделенная курсивом фраза навеяна следующим текстом «Задонщины»: «...хиновя поганые татаровя бусормановя. Тѣ бо на рекѣ на Каялѣ одолѣша родъ Афѣтов. *И оттоля Руская земля сѣдитъ невесела, а от Калатъския рати до Мамаева побоища тугою и пегалию покрывшася, плачущи-ся, чады своя поминаюты*» (У, л. 170—170 об.). «*А от Калатъские рати до Мамаева побоища 170 лѣт*» (У, л. 172 об.). В списках И-1 и С «Задонщины» число лет иное — 160 (Ср.: «От Калагъския рати до Мамаева побоища лѣтъ 160» (И-1, л. 216)).

По моему мнению, весь фрагмент «Сказания», использующий текст «Задонщины», — вставка позднейшего редактора в авторский текст «Сказания», в котором великая княгиня после просьбы к Богу сохранить живым великого князя Дмитрия Ивановича, помочь ему победить врагов, поясняла свою просьбу: **ибо** она, грешная, имеет двух сыновей, они еще слишком малы и беззащитны, сама она не сможет им помочь, и повторяла свою просьбу: «возврати имъ, Господи, отца ихъ, великого князя, поздорову». В эту естественную в устах великой княгини просьбу позднейший редактор вставил текст, созданный им на основе предисловия к «Задонщине», в котором вспоминалась битва на Калке, после которой уже 160 лет Русская земля «уныла», и содержалась просьба ко Господу помиловать русских князей и не дать погибнуть оставшемуся христианству.

В Киприановской редакции опущен весь плач великой княгини, что связано, по мнению Л. А. Дмитриева, с другим, предшествующим этому, пропуском, — в этой редакции нет также рассказа о прощении великого князя и русских князей и воевод с женами.

Пятый фрагмент, заимствованный из «Задонщины» в «Сказание», читается в описании продвижения русского войска из Москвы на поле брани. Л. А. Дмитриев отметил, что пятый отрывок представляет собой не выписку из «Задонщины», а переработку источника: составные части его обнаруживаются в разных местах «Задонщины». ³⁰

«Сказание», вариант О Основной редакции

Князь же великий поиде, поимъ с собою мужей нарочитых, московских гостей сурожанъ десяти человекъ видѣниа ради, аще что Богъ ему случить, и они имуть повѣдати в далних землях <...>³¹

[И подвигошяся князь великий Дмитрий Иванович по велицѣй шыроцѣ дорозѣ, а по немъ грядуть русские сынове успѣшно, яко *медвяныа гяши пити* и сътеблиа

«Задонщина»

1) И рече: «Брате князе Владимире, туто испити *медвеняа гаша...*» (И-1, л. 222; У, л. 187 об. — «мѣдвяна чара»);

2) ...пашут бо ся, аки живи хоругови,

³⁰ Дмитриев Л. А. Вставки из «Задонщины» в «Сказание о Мамаевом побоище». С. 403.

³¹ Далее следует перечисление имен гостей-сурожан.

виннаго ясти, *хотять себѣ гъсти добыти и славнаго имени.*

Уже бо, братие, стукъ стугить и громъ гремит по ранней зорѣ: князь Владимиръ Андрѣевичъ Москву-рѣку перевозится на Красном перевозѣ в Боровъсцѣ.]

Князь же великий прииде на Коломну в субботу, на память святого отца Моисиа Мурина. Ту же быша мнози воеводы и ратници и стрѣтоша его на рѣчке на Сѣверке (Сказания и повести о Куликовской битве. С. 34).

ищут собѣ гести и славнаго имени (У, л. 180 об.);

3) *Уже бо стукъ стугить и громъ гремит рано пред зорею. То ти не стукъ стучить, ни громъ гремит, — князь Володимерь Одрѣевичъ ведеть вой свои, сторожевыя полкы к быстрому Дону (К-Б, л. 126—126 об.).³²*

Позднейшей вставкой в первоначальный текст является, вероятно, весь фрагмент, составленный из образов «Задонщины», встречающихся в разных местах памятника. В первоначальном тексте «Сказания» сообщалось, что великий князь «поиде» (из Москвы), взяв с собою десять гостей-сурожан. И далее говорилось о его прибытии в Коломну. Вставка же начинается с повторения, что великий князь «подвигошася» по великой широкой дороге. Сказано во вставке и о том, что Владимир Андреевич перевозится через Москву-реку, в связи с чем «стук стучит и гром гремит по ранней заре»; это сообщение явно вызвано стремлением использовать художественную картину «Задонщины». Вся вставка обусловлена желанием «украсить» текст поэтическими формулами «Задонщины».

В Киприановской редакции всей этой вставки нет. После сообщения о гостях-сурожанах, взятых в поход Дмитрием, непосредственно следует сообщение о прибытии Дмитрия в Коломну.³³ Вероятно, составитель Киприановской редакции сознательно убрал вставку из «Задонщины», увидев ее чужеродность повествовательному тексту «Сказания», а также то, что вставка разрывает текст о великом князе, о котором сообщалось, что он пошел на Котел дорогою со многими силами, что взял с собою десять гостей-сурожан, что пришел он в Коломну 28 августа, где его ожидали прибывшие туда ранее многие воеводы. Но возможно и то, что в основе Киприановской редакции лежит текст, в котором еще не было этой вставки из «Задонщины», ибо при сокращении текста автор Киприановской редакции вряд ли мог так четко вычленивать вставку из «Задонщины», по крайней мере фраза о Владимире Андреевиче должна была остаться, так как содержала конкретную информацию.

Шестая вставка из «Задонщины» — описание грозных предзнаменований природы на Куликовом поле накануне битвы. Весь этот отрывок «Сказания» не является повторением какого-то места из «Задонщины», а представляет собой композицию, созданную по материалам «Задонщины». Одни фразы находят полную параллель в «Задонщине», другие являются переделкой соответствующих поэтических образов «Задонщины»,

³² Так в К-Б, в И-1 читается: «Уже бо, брате, стук стучить, громъ гримит в каменѣ градѣ Москвѣ, — стучить сильная рать великого князя...» (И-1, л. 217 об.).

³³ См.: Сказания и повести о Куликовской битве. С. 57.

часть — самостоятельный текст автора «Сказания». Приведу текст фрагмента по варианту О Основной редакции:

«Князь же великий повелѣ въиньству всему Донѣ возитися. А в то врѣмя вѣстници ускоряють, яко погании приближаются татарове. Мнози же сынове русские възрадовашья радостию великою, зряще своего желаемого подвига, егоже еще на Руси възжелѣша.

[За многы же дни мнози *вльци притекоша на мѣсто то, выюще грозно* непрестанно по вся ноци, *слышати гроза велика*. Храбрым людем в плѣкѣх сердце укрѣпляется, а инья же людие в плѣкох, ту слышавъ грозу, паче укротѣша, зане же мнози рати (ошибочно вм. «врани»; в У — «врази») необычно събрашася, *не умлѣкаючи глаголють, галици же своею рѣзю говорить, орли же мнози от усть Дону слѣтошася, по аеру лѣтаючи клекютъ*, и мнози звѣрие грозно выють, ждуще того дни грозного, Богом изволеного, въ нь же имать пасти трупа чловечая, таково кровопролитие, акы вода морскаа. От такового бо страха и грозы *великыя дрѣва прекланяются и трава посьстилается*. Мнози людие от обоих унывають, видяще убо пред очима смерть.]

Начаша же погании половци съ многым студом омрачатися о погибели живота своего, понеже убо умре нечестивый, и погыбе память их с шумом. А правовѣрнии же чловеци паче процвѣтоша, радующеся, чающе съврѣшеного оного обѣтования, прекрасных вѣнцовъ, о нихъже повѣда великому князю преподобный игумень Сергий» (Сказания и повести о Куликовской битве. С. 38).

Этот отрывок передается сходно во всех видах «Сказания». В переработанном виде, но в том же месте, что и в остальных редакциях, это поэтическое описание сохранилось в Киприановской редакции.³⁴

Первоначальный текст этого фрагмента «Сказания» лучше сохранился в варианте У Основной редакции (вставка, напротив, лучше сохранилась в варианте О). Приведу текст фрагмента по варианту У, опустив вставку, построенную на образах «Задонщины»:

«Князь великыи повели всим Донѣ възитися. Вѣстници³⁵ же ускоряют, яко приближаются погании. Мнози же сынове рустии начаша радоватися, зряще своего желанна подвига. <...> Погании же съ студом начаша омрачашеся о погибели живота своего, понеже умереть нечестивыи — <и> погибнет память его <с> шумом. Правовирнии же чловеци паче процвѣтоша, радующеся и чающе свыше оного обѣтования прекрасных вѣнцовъ, о нихже прорече преподобныи Сергии» (ПКЦ. С. 166–167).

Как видим, вставка, построенная на образах «Задонщины» (она отмечена многоточием в угловых скобках), разрывает авторский текст «Сказания», в котором автор рассуждает о том, как по-разному чувствуют себя перед боем воины: *русские воины* радуются, желая подвига, *враги же* («поганые»), ожидая погибели, омрачаются: ведь, по мысли автора, погибнет «нечестивый» — и память о нем погибнет. А православные радуются, ибо чают прекрасных венцов, которые предрекал им преподобный Сергий. В связи с этим смыслом фрагмента вставкой следует признать и фразу «Мно-

³⁴ Ср.: «Тогда же по вся ноци волцы выюще страшно, и ворони и орли по вся ноци и дни грающее и клекчюще, ждуще грозного и Богом изволеного дни кровопролитного, по реченному: где будет труп, тамо съберутся орли» (Сказания и повести о Куликовской битве. С. 60).

³⁵ Так в списках М и Л, в У — «вѣсти».

зи людие от обоих унывають, видяще убо пред очима смерть», поскольку она противоречит мысли автора «Сказания», противопоставившего чувства русских и «поганных половцев» перед лицом смерти.

Седьмая вставка из «Задонщины» включена в описание русского войска накануне дня битвы. Приведу чтения вариантов О и У Основной редакции и чтение Распространенной редакции:

Вариант О Основной редакции

Князь же великий поим с собою брата своего князя Владимира и литовские князи и вси князи русские и воеводы, и възехавъ на высоко мѣсто и увидѣвъ образы святых, иже суть въображени въ христианьскихъ знаменних, акы нѣккии свѣтилници солнечнии свѣтящися въ врѣмя вѣдра.

[И стязи ихъ золоченыя ревуць, просьтирающися, акы облаци, тихо трепещущи, хотять промолвити; богатыри же русские и их хоругови акы живи пашутся.]

Доспѣхы же русскихъ сыновъ, акы вода въ вся вѣтры колыбашеся, шоломы злаченыя на главах ихъ, акы заря утреняя въ врѣмя ведра свѣтящися, яловцы же шоломовъ их, акы пламя огнено³⁶ пашется. <...>

Князь же великий, видѣвъ плъци свои достойно уряжены, и сшед с коня своего и паде на колѣни свои прямо великому

Вариант У Основной редакции

Князь же великийи Дмитрии поимъ брата своего князя Володимера и литовские князи и вси руские князи [и] воеводы, и възыдоша на мѣсто высоко и видѣша образы³⁷ святых, иже суть въображены на знаменахъ, акы нѣккыи свѣтилници свѣтящися,

[яко облаци, и тѣ хоботѣ хотят промолвити. И богатыри же рускыи и хоругови яко живи пашутся.]³⁹

Доспѣси же рускыи, акы вода отъ вѣтра, колеблются, а шоломы на главах их, акы утреняя зоря свѣтящися во время ведра, еловцы же шоломовъ их, яко пламень огнены колебашеся.

<...>

Князь же великийи, видѣвъ полци по достоянию учрежены, и сшед с коня, паде на земли зелени прямо великому полку черно-

Распространенная редакция

Князь же великий Дмитрий Иванович поим брата своего князя Владимира и литовские князья и все князи и воеводы, выехаша на место высоко и видеша образ святых, иже бе суть воображен во христианскихъ знаменех и акы неки светильници светящися.

[И стези ревуць наволочены, простирающися, яко облоцы, тихо трепещуще, хотят промолвити, и богатыри руские акы живы пашутся, бывшая на плащаницахъ воображений.]

И доспехи руские, акы вода колебашеся, а шоломы на главах их со златом, яко утренная роса (мак!) во время ведра светящися, яловцы шоломовъ их, акы пламяна пашутся.

<...>

Князь же великий, видев полцы своя по достоинству вооружены, и сшед с коня и пад на колени на ковыле зелене прямо великому

³⁶ Красили яловцы (флажки на шлемах) чаще всего красным, и потому летописи сравнивают их с «пламенем огненным».

³⁷ В списке Л — «образъ».

³⁸ Так в списке У, в списках МБЛ — «святых».

³⁹ В варианте У Основной редакции «Сказания» пропущено начало вставки (так в списках У, М и Б этого варианта).

плъку чернаго знамени, на немъже въображенъ образ владыки Господа нашего Исуса Христа, из глубины душа нача звати велегласно: «О владыко вседържителю...» (Сказания и повести о Куликовской битве. С. 39).

му знамени, на немъже въображен образ владыки нашего Христа, въздохнувъ из глубины душа и нача звати велегласно: «Владыко вседържителю...» (ПКЦ. С. 168–169).

полку черному знамени, на немъже воображен образ владыки Спаса нашего Исуса Христа, из глубины сердца нача звати велегласно: «О владыко вседържителю...» (Сказания и повести о Куликовской битве. С. 94).

Как видим, в Распространенной редакции вместо «образы святыи» — «образ святыи», а в Печатном варианте Основной редакции, Летописной редакции и в редакции Летописца князя Хворостинина речь идет *об образе Спаса* на знаменах, светящемся, словно некие «солнечные светильницы». Это вторичное чтение, оно возникло потому, что автор общего протографа этих редакций соотнес изображение на знаменах образов святых⁴⁰ со следующим далее сообщением о знамени с образом Спаса Нерукотворного, к которому припадает Дмитрий Иванович. Однако образ Спаса Нерукотворного изображался только *на главном* полковом знамени.⁴¹ Вторичным является и чтение Распространенной редакции, в котором множественное число («образы святыи») заменено на единственное («образ святыи»). Видимо, эта замена тоже объясняется возникшим у редактора отождествлением «образа святого» с упоминаемым далее образом Спаса.

К «Задонщине» восходят такие обороты данного фрагмента «Сказания», как «стязи ревуть», «хоругови, аки живи, пашутся». Первой из приведенных фраз в «Задонщине» соответствует выражение: «И от великого князя Дмитрея Ивановича *стези ревут*, а поганые бѣжать» (У, л. 188); в И-1 испорченное чтение: «Ктязя ревуть, отступишася от великого князя, погагии бежать» (И-1, л. 222). Второй фразе «Сказания» соответствует такой пассаж «Задонщины»: «... но еще хотят сильно головы своя положить за землю за Рускую и за вѣру крещеную. Пашут бо ся, *аки живи, хоругови*, ищут собѣ чести и славного имени» (У, 180 об.). В И-1 и С слов «аки живи» нет; в К-Б в другом месте, чем в остальных списках, читается близкий к этому пассаж: «пашутся хоригове берчати» (К-Б, л. 123 об.).

Не совсем ясно, как выглядело первоначально окончание редакторской вставки с образами из «Задонщины».

⁴⁰ На древнерусских знаменах изображались лики Христа, Богородицы, Георгия Победоносца, Михаила Архангела, а также святых — покровителей княжества, города, либо самого князя. Готовясь ко второму Азовскому походу, Петр I в 1696 г. в лучших традициях предков изготовил знамя с центральной частью и откосом, *с изображением на нем святых*; оно было дополнено двуглавым орлом, держащим копьа, увитые лентами, и морем с парусными кораблями.

⁴¹ Со времен Дмитрия Ивановича Донского ведется московская традиция изображения на главном полковом знамени образа Спаса Нерукотворного. Знамена с изображениями этого образа, изготовленные в XVII в., сохранились в коллекции Оружейной Палаты. См.: Яковлев Л. Русские старинные знамена: (Дополнение к III отделению «Древностей Российского государства»). М., 1865. Ч. I. С. 17; Левыкин А. К. Воинские церемонии и регалии русских царей. М., 1997. С. 33, 36. Упоминание в «Сказании» изображения лика Спаса на знамени Дмитрия Донского — это первое из дошедших до нас описаний русского стяга.

Варианты О и У Основной редакции	Распространенная редакция	Летописная редакция
Вариант О: Богатыри же русские и их хоругови аки живы пашутся.	И богатыри русские аки живы пашутся, бывшая на плащаницах воображении...	А у богатырей хоругови аки живы пашутся (Повести о Куликовской битве. С. 96).
Вариант У: И богатыри же рустии и хорюгови яко живи пашутся.		

Вероятно, ближе к первоначальному тексту «Сказания» явно ошибочный текст Основной редакции. Фраза «Задонщины» о хоругвях (полотнищах знамен) — «Пашут бо ся, аки живи, хоругови, ищут собѣ чести и славного имени» — была не понята редактором «Сказания», вносящим вставки из «Задонщины»; не поняв, к кому или чему относится слово «пашутся», редактор «Сказания» отнес его одновременно и к богатырям, и к хоругвям. Составители (или переписчики) последующих текстов исправляли текст в силу своего понимания: автор Распространенной редакции связал слово «пашутся» с богатырями, которые якобы были изображены на плащаницах,⁴² а автор Летописной редакции связал слово «пашутся» с хоругвями богатырей.

Позднейшая вставка из «Задонщины» в «Сказание» текста о «ревущих» и в то же время «тихо трепещущих», развевающихся, словно живые, стягах (хоругвях),⁴³ на мой взгляд, очевидна. По всей видимости, к имевшемуся в первоначальном тексте «Сказания» пассажи о ликах святых на русских знаменах редактор «Сказания» добавил две фразы с использованием образов «Задонщины» о стягах и хоругвях, одна из которых дублирует другую: обе они говорят о развевающихся на ветру полотнищах знамен.

Восьмая вставка из «Задонщины» читается в «Сказании» в описании ночи накануне боя, в сцене «испытания примет» Дмитрием Боброком-Волынским. Здесь встречаются отдельные словосочетания, образы «Задонщины». Приведу фрагмент по варианту О Основной редакции:

«Уже бо ночь приспѣ свѣтоноснаго праздника Рождества святыа Богородица. Осѣни же тогда удолжившися и деньми свѣтлыми еще сияющи. Бысть же въ ту ночь теплота велика и тихо велми, и мрази роснии явишася <...> И уже заря померкла, нощи глубоцѣ суши. Дмитрей же Волынецъ поимъ с собою великого князя единого, и выѣхавъ на поле Куликово, и ставъ посреди обоих плъковъ. И обротився на плъкъ татарскый, слышитъ стукъ великъ, и кличь, и вопль, аки трѣги снимаются, аки град жидуще и аки гром великий гремитъ.

[Съзати же плъку татарскаго *волъци выють грозно велми*. По десной же странѣ плъку татарскаго *ворони клигуще* и бысть трепеть птичей великъ велми, а по лѣвой же странѣ, аки горам играющимъ — гроза велика зѣло. *По рецѣ же Непрядвѣ гуси и лебеди крыльми плещуще*, необычную грозу подающе.] <...>

⁴² В данном случае слово «плащаница» употреблено в значении «кусочек полотна», т. е. речь идет о полотнище знамени.

⁴³ Перевод этой вставки: «И стяги (т. е. знамена) шумят натянутые, протираются, как облака, *тихо трепещуще*, хотя промолвить. Хоругви (т. е. полотнища знамен) русских богатырей, как живые, реют». В XV—XVI вв. слово «знамя» вытесняет в русском языке древнее слово «стяг» (*Яковлев Л. Русские старинные знамена. С. 3*).

И о б р а т и в с я н а п л ь к ь р у с с к ы й — и бысть тихость велика. <...> И рече Волынец: “Радуйся, государь, добри суть знамена, токмо Бога призывай и не оскуди вѣрою!” (Сказания и повести о Куликовской битве. С. 40).⁴⁴

В этом эпизоде использованы те же поэтические образы «Задонщины», что и в шестом отрывке: воюющие волки, кричащие птицы и т. д. Здесь использован также образ птиц, плещущих крыльями, чему в «Задонщине» соответствует фраза: «Тогда гуси возгоготали и лѣбѣди восплѣскаша крылами своими» (У, л. 178; в остальных списках, в том числе в К-Б, близкое чтение).

Первоначальный текст «Сказания» повествовал о том, что Дмитрий Волынец, пожелавший «в ночь сию примету свою испытати», выехав вместе с великим князем на поле Куликово, стал посреди обоих полков. Вначале Дмитрий Волынец обратился в сторону полка татарского — и услышал стук великий, и клич и вопль, «аки трѣги снимаются, аки град зиждуще и аки гром великий гремить...» Далее в первоначальном тексте говорилось о том, что услышал Дмитрий Волынец, обратившись в сторону русского полка. Этот логичный и ясный текст разрывает вставка, в которой позднейший редактор, желая использовать образы «Задонщины», говорит, вопреки авторскому замыслу, что слышно *сзади* полка татарского, что по *правой* и что по *левой стороне* от него. Редактор добавляет также другой образ «Задонщины»: по реке Непрядве гуси и лебеди крыльями плещут.

Девятая вставка из «Задонщины» включена в описание явлений природы перед самым началом сражения:

«Наставшу же второму чясу дни, и начаша гласи трубнии обоих пльковъ снимати, татарьскыя же трубы яко онемѣша, а русскыя трубы паче утврѣдишася. Плькы же еще не видятся, занеже утро мгляно.

[И в то врѣмя, братѣе, земля стонеть вельми, грозу велику подавающе на востокъ нолны до моря, а на запад до Дунаа; великое же то поле Куликово прегигающеся; рѣкы же выступаху из мѣстъ своихъ, яко николи же быти толким людем на мѣстѣ томъ.]

Великому же князю пресѣдающе на избранный конь, ѣздя по пльком и глаголаше...» (вариант О, см.: Сказания и повести о Куликовской битве. С. 41).⁴⁵

Непосредственных текстуальных совпадений в данном отрывке с «Задонщиной» нет. Но композиционно, по смыслу и отдельными выражениями этому тексту соответствует такой отрывок из «Задонщины»: «Сильнии полкы съступалися вмѣсто, протопташа холми и луги, возмутися реки и езера. Кликнуло диво в Руской земли, велит послушати грознымъ землям. Шибла слава к Желѣзнымъ вратом, к Риму и к Кафы по морю, и к Торнаву, и оттоле к Царюграду, на похвалу...» (И-1, л. 219 об.).

Автор «Сказания» передал развернутое поэтическое описание «Задонщины» своими словами. Двумя географическими понятиями («на востокъ

⁴⁴ Это место близко во всех списках «Сказания». Сохранилось оно с некоторыми изменениями и в Киприановской редакции.

⁴⁵ В остальных редакциях и вариантах близко к этому. В Печатном варианте Основной редакции после слова «прегибающеся» добавлено: «вострепетаха лузи и болота», а после слова «рек» добавлено «и озера» (Сказания и повести о Куликовской битве. С. 49). В Киприановской редакции приведенного текста нет.

нольны до моря, а на запад до Дунаа») он передал перечисление «Задонщиной» нескольких конкретных географических пунктов, до которых дошла весть о битве на Куликовом поле. Перед автором «Сказания» был такой текст «Задонщины», который лучше отражен в списках И-1, У и С (в К-Б текст переработан).

Вставка, построенная на образах «Задонщины», разрывает авторский текст «Сказания», в котором после фразы «Плькы же *еще не видятся*, зане же утро мгляно» следовала фраза о том, что, несмотря на это, «великому же князю пресѣдающу на избранный конь, ѣздя по пльком и глаголаше...» На вторичность в тексте «Сказания» вставки из «Задонщины» указывает и обращение «братье», которое характерно для поэтической «Задонщины», но которое чуждо автору прозаического, эпического «Сказания».

Десятая вставка из «Задонщины» читается в описании боя:

«И съступишася грозно обѣ силы великиа, крѣпко бьющеса, напрасно сами себе стираху, не токѣмо оружиемъ, нѣ и от великиа тѣсноты под коньскими ногами издыхаху, яко немощно бѣ вмѣститися на том полѣ Куликовѣ: бѣ мѣсто то тѣсно межу Доном и Мечею.

[*На том бо полѣ силнии п л ѣ ц и съступишася, из нихъ же выступали кровавыа зари, а в них трепеталися силнии мльнии ото блистания мечнаго.*]

И бысть трускъ и звукъ великъ от копейнаго ломления и от мечнаго сѣчения, яко не мощно бѣ сего гръкого часа зрѣти никако же и сего грознаго побоища. Въ единъ бо час, въ мегновении ока, о колико тысущъ погыбе душъ человеческихъ, създания Божиа! Воля Господня съврѣшается...» (вариант О, см.: Сказания и повести о Куликовской битве. С. 43–44).

Выделенная курсивом фраза имеет два соответствия в «Задонщине». Во-первых, эта фраза из символической картины: «Уже бо, брате, возвияли по морю на усть Дону и Непра, прилѣяша *туги* на Рускую землю, *из них же выступали кровавыа зори, а в них трепѣщутся сильныя молыны*» (У, л. 177–177 об). В другом отрывке «Задонщины» сходная фраза тоже рисует символическую картину, которая далее поясняется: «...А силнии полки ступишася вмѣсто <...> *На том полѣ силнии туги ступишася, а из них гасто сияли молыны* и загремѣли громаы велициы. — То ти ступишася руские удалцы с погаными татарами за свою великую обиду. А в них сияли силныя доспѣхи злаченые, а гремѣли князи руские мечьми булатными о шеломы хиновские» (У, л. 182).⁴⁶

В «Сказании» на месте слова «тучи» символической картины «Задонщины» читается слово «пльци», и получается, что *из полков* «выступали кровавыа зари, а в них (т. е. в полках) трепеталися силнии мльнии...» Что бы пояснить, что это за молнии «трепетались» в полках, редактор «Сказания», внесший вставку, построенную на образах «Задонщины», поясняет: «от блистания мечнаго».

На то, что этой фразы в авторском тексте «Сказания» не было, указывает содержащееся в ней повторение уже сообщенного автором «Сказания»: «И съступишася грозно обе силы великиа» (авторский текст); «На

⁴⁶ Это соответствует спискам У, И-1, С. В К-Б этот пассаж сохранился, но с целым рядом переделок.

том бо поле силнии плъци съступишася» (позднейшая вставка). Как и в других случаях, вставка из «Задонщины» сделана не ради сообщения нового факта или подробности, а ради «украшения» текста поэтическими образами, добавленными к описанию битвы автором «Сказания», традиционно для воинских повестей («И бысть труск и звук велик от копейнаго ломления и от мечнаго сечения»).

Одиннадцатая вставка из «Задонщины» внесена в рассказ о выезде засадного полка под водительством князя Владимира Андреевича и Дмитрия Боброка Волынского. После долгого сидения в засаде полки, сдерживаемые до определенного времени Дмитрием Волынским, ринулись в бой:

«Единомыслени же друзи высѣдоша из дубравы зелены, [аки соколи искушеныя урвалися от златых колодицѣ, ударилися на великия стада жировины, на ту великую силу татарскую,]⁴⁷ а стязи их направлены крѣпким воеводою Дмитрием Волынцем. Бяху бо, аки Давидови отроци, иже сердца имуща, аки лвовы, аки лютии влъци на овчии стада приидоша. И начаша поганых татарѣ съчи немилостивно» (вариант О, см.: Сказания и повести о Куликовской битве. С. 45).⁴⁸

Здесь не цитация цельного отрывка «Задонщины», а использование отдельных фраз, образов источника, но в близости его к соответствующему месту «Задонщины» не приходится сомневаться.

Воины, рвущиеся в бой, как соколы, «урвавшиеся» «от златых колодиц», — это сравнение уже использовалось. Эта фраза повторяет с незначительным изменением начало описания битвы русских с татарами в «Задонщине». Она ближе всего к списку У: «То уже соколи бѣлозѣрстии и ястреби хваруются (в И-1 — «рвахуся». — Л. С.) от златых колодицѣ ис камня града Москвы, возлѣтѣша под синее небеса, возгремѣша злачеными колоколы на быстром Дону» (У, л. 178 об. — 179). «Уже бо тѣ соколы и кречаты за Дон борзо перелѣтѣли и ударилися о многие стада лѣбѣдиные. То ти наехали руские князи на силу татарскую...» (У, л. 180 об. — 181).

В данном случае также очевидно включение позднейшей вставки в первоначальный текст «Сказания». Автор «Сказания», сообщив, что воины засадного полка выехали из зеленой дубравы, направляемые опытным воеводой, далее характеризует этих воинов: «Бяху бо, аки Давидови отроци, иже сердца имуща, аки лвовы, аки лютии влъци на овчии стада приидоша». Позднейший редактор разрывает сообщение о выезде засадного полка под водительством Боброка Волынского вставкой, в которой использует два образа из разных фрагментов «Задонщины», в которых воины сравниваются с соколами, оборвавшими опутины и ринувшимися на «стада» лебединые (в «Сказании» — журавлиные). Получается, что одна характеристика воинов (уподобление соколам) дана до сообщения о том, что засадный полк вел «крепкий воевода» Дмитрий Волынец, а вторая — после этого со-

⁴⁷ Ср. в Распространенной редакции: «Единомыслени же друзи выедоша из дубровы зелены, [аки соколи искуснии, ударишася на многия журавлиныя стада, тако сии витези,] направляны крепким воеводою. Бяху бо, яко отроцы Давидови, им же сердца бяху, аки львом, поистинне львови образи имуще, аки на овчии стадо приидоша» (Сказания и повести о Куликовской битве. С. 99).

⁴⁸ За исключением несущественных разночтений во всех видах «Сказания» чтение сходно.

общения (уподобление отрокам Давида). Автор «Сказания» уподобил воинов засадного полка отрокам Давида, имеющим львиные сердца. А редактор авторского текста — соколам, рвущимся от золотых колодиц. Эти сравнения из разных поэтических систем, поэтому трудно представить, что вставку из «Задонщины» сделал автор «Сказания». Вряд ли автор «Сказания» вначале уподобил воинов соколам, рвущимся с золотых колодиц, потом сообщил, что они направляются *крепким воеводой* Дмитрием Волынцем, а затем снова вернулся к характеристике воинов, уподобив их отрокам Давида.

Логико-смысловый анализ 11 фрагментов «Сказания», содержащих вставки из «Задонщины», убеждает меня в том, что эти вставки были сделаны *не в авторский текст, а в общий протограф* дошедших до нас редакций и списков «Сказания». Вставки не затрагивают сути повествования, не содержат новых сообщений, они являются инкрустацией небольших фрагментов поэтического (часто метафорического и символического) текста «Задонщины» в прозаическое «Сказание» в качестве украшающих элементов, *резко контрастирующих по стилю* с повествовательным, эпическим стилем «Сказания». ⁴⁹

Вторичный характер вставок наиболее нагляден в тех случаях, когда они разрывают мысль авторского текста или дублируют авторское сообщение «Сказания» (см. вставки № 3, 4, 9 и особенно 6 и 8). Важно и то, что помимо вставок, встречающихся в большинстве редакций (восходящих к общему протографу), в разных текстах читаются дополнительные заимствования из «Задонщины». Особенно этим отличается Печатный вариант Основной редакции «Сказания». Это позволяет с большим основанием допустить, что и рассмотренные 11 вставок из «Задонщины» в «Сказание» были внесены *не автором* «Сказания» при его создании, а *позднейшим редактором* этого текста в общий протограф дошедших до нас текстов памятника. ⁵⁰

В связи с этим вставки из «Задонщины» в «Сказание» не могут служить неопровержимым доказательством вторичности «Сказания» по отношению к «Задонщине», что до последнего времени считалось аксиомой. Если даже «Задонщина» к моменту написания «Сказания» уже была создана, то *автор* «Сказания» не использовал ее текст. Взаимоотношение «Сказания» и «Задонщины» необходимо выяснять путем тщательного текстологического сопоставления этих памятников.

⁴⁹ Исходя из сказанного, мы не можем согласиться с выводом Л. А. Дмитриева: «Широко пользовался автор «Сказания» и поэтическими средствами «Задонщины». Заимствования из этого лирического отклика на Куликовскую битву сделаны автором «Сказания» с большим поэтическим чутьем, уместно и продуманно, они органически входят в окружающий их контекст» (Дмитриев Л. А. Куликовская битва 1380 года в литературных памятниках Древней Руси // Русская литература. 1980. № 3. С. 27).

⁵⁰ Поскольку все дошедшие до нас версии текста «Сказания» в большей или меньшей степени отражают влияние «Задонщины» (даже Киприановская редакция, протограф которой, возможно, не содержал некоторых из рассмотренных вставок), можно заключить, что между авторским текстом и общим протографом дошедших до нас версий текста «Сказания» хронологический разрыв был невелик: авторский текст (архетип) «не успел» породить свою рукописную традицию; вскоре после создания он был переработан с использованием текста «Задонщины».